

Алена ГАЛИЧ-АРХАНГЕЛЬСКАЯ, дочь Александра Галича:

Я боялась ареста. Надо мной смеялись

Известия. - 2002. - 21 окт. - с. 3.

В выходные в столичном бард-кафе «Гнездо глухаря» отмечали 84-летие со дня рождения поэта, барда и драматурга Александра ГАЛИЧА, трагически погибшего в 1977 году в Париже. Сразу после концерта дочь поэта — актриса Алена ГАЛИЧ-АРХАНГЕЛЬСКАЯ согласилась ответить на вопросы корреспондента «Известий» Владимира ЕМЕЛЬЯНЕНКО.

— На концерт пришли все, кто называет себя другом Галича?

— На концерт не пришел почти никто, кто с высоких трибун, когда их показывают по ТВ, кланутся в любви к папе. Даже сотрудники радиостанции «Свобода», где он работал, забыли, кто такой Галич. Мне кажется, из-за такого отношения к своему погибшему сотруднику радиостанции можно называть как угодно, но не «Свободой». Она ведет себя как районная советская организация.

— Но они же помогли вам открыть мемориальную доску на доме, где жил ваш отец?

— Да вы что? Никто со «Свободы» мне не помогал. Кстати, и московские власти около девяти лет запрещали мне устанавливать доску. Это и тяжелейшая, и одновременно комичная история. 13 лет я получала справку о смерти отца. Инюрколлегии и Красному Кресту о смерти Галича, видите ли,

ничего не было известно. Нет справки — нет доски. Когда я наконец привезла справку из Парижа, то обратилась в Моссовет к своему сокурснику, бывшему начальнику отдела культуры Александру Ушакову. Он сказал: «Да, доску нужно установить». Но вскоре его сняли, и вопрос завис: оказалось, что нужно заявление не от меня, а от организации-инициатора, нужно заключение о том, что доска «не испортит (!) архитектурный вид дома». Когда все это было добыто, накануне 80-летия отца, мне сообщили, что по распоряжению мэра столицы до утверждения закона о мемориальных досках их установка запрещена. «А как же, — спрашиваю, — на доме, где жил отец, появилась доска композитору Марку Фрадкину?» И тут мне люди из окружения мэра доверительно намекнули, что надо «проползти» на прием к Лужкову. Я не пошла.

АРМЕН АСРАТЯН

— Правда, что когда вы отважились поставить доску без разрешения столичных властей, вам угрожали?

— Сегодня это называется иначе. Мне внушали, что я не уважаю демократический порядок, за который боролся мой отец. Накануне установки доски мне позвонил начальник охраны памятников Москвы Александр Тантлевский. Говорил, что я самовольничаю. «Мы можем вызвать милицию и забрать вас на 15 суток за нарушение общественного порядка», — пугал он. «Вы все можете», — ответила я и положила трубку. Но часа

в два ночи решила собрать вещи. Налила в термос чаю, сделала бутерброды и сухари. Думаю: чего не хватает? Сунула в сумку шерстяные носки и шарф. Утром обзвонила все телеканалы и газеты, намеренно говорила, что у нас нет разрешения на установку доски. Расчет сработал — приехали все.

— Носки и шарф зачем?

— Когда все обошлось, я зналась, что боялась ареста. Надо мной смеялись. Сейчас и мне смешно вспоминать, что я ждала ареста от людей Лужкова, но мы в нашей стране всегда на грани живем.

— Что с могилой Галича? Ведь закончился срок аренды россиянами русского кладбища Сен-Женевьев-де-Буа в Париже, и не договорилось о новом сроке аренды.

— Пока взносы на содержание кладбища вносят прихожане, а когда президент Путин был в Париже, французы пообещали кладбище не трогать. Они его и не трогают, но нам-то надо платить. Кстати, когда президент был на кладбище, он должен был посетить две могилы: княжны Оболенской и Ивана Бунина. Но от них прямым ходом пошел к могиле Галича. Я вижу в этом знак того, что проблема будет урегулирована. Создан фонд Галича «Отчий дом». Его цель — помочь кладбищу Сен-Женевьев-де-Буа. Там лежат наши гении, весь Императорский балет, балет и певцы Большого театра, по центру — памятник юнкерам. Вот сейчас мы пытаемся организовать гастроли Большого и Мариинки во Франции с тем, чтобы часть численный пошла на содержание русского кладбища в Париже.

— А как быть с арендой земли? Театры ее не потянут.

— Я обращалась к вице-губернатору Подмосковья Михаилу Меню, спрашивала, может, мы можем дать французам в аренду какую-то землю — и таким образом решить вопрос с арендой кладбища? Меня перedal через помощников, что «надо обсуждать». А те смотрели на меня как на блаженную, они вообще ничего об Сен-Женевьев-де-Буа не знают. А ведь это не просто кладбище — это часть отечественной истории... Не знаю... Живу ожиданиями...

— В такие минуты, когда друзья не помнят о вашем отце или страна не выполняет обещаний, что вам помогает?

— Когда мы пришли в гробовую мастерскую, меня потряс обычный мастер. «У меня разрешения нет», — говорю ему про доску. «Вцементируем так, что и с домом не оторвут», — смеется. Когда обо всем договорились, он вынимает из ящика стола десять свежих кассет отца с фотосессиями. Спрашивает: «Вы выберете профиль для барельефа?» Я обмелла: «Вы слушали?» — «Да вы что?! — он обиделся. — Я Аркадьича всего знаю».